

конкретных процессов жизни государства, экономики, общества, изменяя во многом взгляд на природу социально-политических процессов. При этом выявляются цивилизационные корни целого ряда современных политических антагонизмов, на чем раньше настаивали адепты евразийского движения».

«Актуальность выдвинутых евразийцами социально-экономических идей обусловлена современными поисками оптимальной модели экономического развития России. Крайние экономические доктрины показали свою несостоятельность в условиях российской действительности. Постепенно приходит осознание того очевидного факта, что экономическая модель должна соответствовать менталитету населения, исходить из опыта исторического прошлого. На наш

взгляд, евразийская концепция «хозяйнодержавия», утверждающая необходимость сочетания в условиях нашей страны частной предприимчивости и сильной роли государства имеет перспективу нового толкования и восприятия» (Пишун В.К. Политическая философия евразийства. М., 2003. С.5-7).

Резюмируя актуальность идей евразийства, идеолог неоевразийства философ Александр Дугин заявил: «Евразийство – это именно та национальная идея, которая отвечает интересам всех этносов, культур и народов России».

Евразийские идеи вошли в ткань нашей общественной жизни и стали фактом их востребованности современной действительностью всерьез и надолго.

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ И ДИСКУРС ИДЕНТИЧНОСТИ

М.Ю. Мирошников

Мирошников Михаил Юрьевич
аспирант Института философии и права УрО РАН

Дискурс идентичности в качестве своего субстанционального культурно-исторического ядра предполагает определенный тип ментальности. Именно в специфике ментальных структур исторических и социальных общностей следует искать главные источники своеобразия их дискурсивных репрезентаций идентичности. В целях понимания сущности дискурса идентичности необходимо предварительно остановиться на вопросе о том, как взаимосвязаны между собой такие категории как «ментальность» и «дискурс».

Существует множество определений понятия «ментальность». Для нас главным источником в этом океане точек зрения является авторитетное мнение представителей французской школы исторических и социальных исследований, известной как школа «Анналов», благодаря которым данный термин

вошел в широкий научный оборот.

Программа изучения ментальных структур определенных исторических эпох и народов является фирменным знаком школы «Анналов». Впервые ментальность как особый предмет исследования предстала в творчестве одного из основателей данной школы М. Блока. В своем фундаментальном труде «Феодальное общество» (1939), ставшем классикой медиевистики, Блок специально остановился на «особенностях чувств и образа мыслей» людей раннего средневековья. В сфере его внимания оказались отношения средневекового человека к природе и ко времени, коллективные религиозные представления, память, эпос, язык. Свойства человеческой ментальности рассматривались Блоком в тесной связи с характеристиками социальной структуры и материальной жизни.

Большой вклад в изучение конкретно-исторических ментальных структур внес другой лидер школы «Анналов» Л. Февр. В своем самом известном труде «Проблема неверия в XVI в.: религия Рабле» (1942) Февр приходит к важному выводу: историк, чтобы понять духовный мир человека, должен обнаружить те интеллектуальные процедуры, способы восприятия, архетипы сознания, которые были присущи людям исследуемой эпохи и в которых они не отдавали себе ясного отчета, применяя их «автоматически», не задумываясь об их природе и содержании. Изучая «автоматизмы» сознания, можно пробиться к глубинным пластам, «подслушать» то, о чем люди «проговорились» независимо от своей воли.¹

Следующий этап в разработке теории

ментальности связан с творчеством учеников Блока и Февра – Р. Мандру, Ж. Дюби и Ж. Ле Гоффа. Они обогатили методологию исследования ментальности методами психоанализа, антропологии, структурной лингвистики, семиотики, системного анализа.

По словам Ж. Ле Гоффа, ментальность – это не только мир понятий, но и мир представлений. История ментальностей – «...это история неясного, имплицитного».²

Ж. Ле Гофф склонялся к тому, чтобы трактовать ментальность как сферу воображаемого, как коллективное воображение. Воображаемое не сводится ни к идеологии, ни к интеллектуальному представлению, ни к осмысленному восприятию внешней реальности. Воображаемое не отражает, а пересоздает реальность, претворяет ее в образы, рожденные фантазией, вдохновением, поэтическим чувством. Изучать мир воображаемого – значит проникать вглубь коллективного сознания общества.

Анализ мира воображаемого, считает Ле Гофф, очень важен для «антропологизации» самых разных наук, в том числе и политической истории. В своей работе «Политическая история – всегда ли это основной хребет истории?» Ле Гофф говорит о желательности интеграции в политическую историю проблематики символического и воображаемого. Темой этой ментальной политической истории могли бы, к примеру, стать политические литургии (церемонии миропомазания и коронования монархов), символика власти, интриги, символические стратегии правящих элит, воплощаемые в деятельности посольств, в празднествах и погребениях суверенов и т.п.

Особой точки зрения на предмет истории ментальности придерживался другой представитель школы «Анналов» – А. Буро. В своей статье «Предложения к ограниченной истории ментальностей» (1989) Буро предлагает отказаться от понимания ментальности как коллективной психологии и создавать историю ментальности только как описание конкретных высказываний, образующих подоснову различных дискурсов.

Дискурсы, согласно Буро, это одновременно и процесс и результат в виде сложившихся способов, правил и логики обсуждения чего-либо. В основе любого дискурса лежат коллективные высказывания, которые и выступают предметом истории ментальности. Функцию коллективных высказываний могут выполнять рассказы, легенды, элементы невербальной сферы. В книге «Простое тело короля» (1988) Буро показал, что эти элементы вовсе не являются простой иллюстрацией некой идеологии, но *очерчивают некое коллективное семиотическое пространство*, в рамках которого находили себе место и обряды погребения королей, и личное благочестие королей, и институциональное утверждение королевского дома. Иногда в качестве коллективного высказывания выступает художественное изображение. Буро подчеркивает,

что под коллективными высказываниями он подразумевает не господствующие дискурсы, не дискурсы большинства, а «диагональные» высказывания, лежащие в основе многих дискурсов и придающие значительную степень единства определенной эпохе, образуя общий фон различных социальных «регистров».³

В последние годы появилось немало работ, посвященных политической ментальности как таковой и, в частности, российской политической ментальности.⁴ В структуру политической ментальности (употребляется также близкий по содержанию термин «менталитет») ряд авторов включает такие компоненты, как политические представления, политические ценности и аттитюды, политические идеи и идеалы, политические верования и убеждения, габитус, стереотипы восприятия власти и политических феноменов, символические образы власти и их коды, массовые политические ожидания, настроения и чувства, приобретенные политические знания и др.

Так, к примеру, Е.Б. Шестопал все многообразие структурных компонентов политической ментальности группирует следующим образом: первую группу составляют компоненты, представляющие *содержательную сторону* ментальности (взгляды, ценности, чувства и т.п., которые складываются в определенные идеологические «ярлыки»), вторую группу образуют *когнитивные компоненты* ментальности (стиль политического мышления, операциональный код, характер политических рассуждений, способ восприятия политической системы).⁵

Ментальность в рамках политической психологии рассматривается прежде всего как устойчивый набор мыслительных образов, ценностных установок, определенных стилей политических рассуждений, которые, будучи артикулированными в дискурсе, выступают в роли операциональных кодов для расшифровки поведенческой стратегии политика.

Одним из новейших методов исследования политической ментальности, вербализированной в дискурсах политических субъектов, является *метод построения семантического пространства*. Данный метод предполагает построение многомерной типологии сознания политических лидеров на основе анализа штампов и клише в их лексике.⁶

Переходя к вопросу о национальном своеобразии политической ментальности, современные исследователи обращаются к таким понятиям и концептам, как политическая культура, габитус, национальная идея, национальный дух.

В современной отечественной политической мысли определились два ведущих подхода к осмыслению российской политической ментальности. Первый подход можно определить как *почвеннический*. В почвеннической трактовке главными национальными чертами российской политической ментальности объявляются соборность, коллективизм, сакрализация государственной власти, византизм, идея сильного

централизованного государства. Данный подход берут на вооружение консервативные общественные круги страны.⁷

Второй подход условно называется *западническим или либеральным*. В западнической трактовке особенности российской политической ментальности рассматриваются через призму противоречивого характера истории российского политического процесса, где существуют циклы смены периодов либерализации и модернизации эпохами авторитаризма, политической реакции и контрреформ. В свете данного подхода, представленного прежде всего в фундаментальных трудах А.С. Ахиезера, отмечаются такие черты российской политической ментальности как *инверсионность* (резкая смена политических настроений и системы политических ценностей), *гибридность социокультурного и политического идеала* (соединение идеала соборности с идеалом авторитаризма), *слабое развитие медиации* т.е. склонности к политическому и социальному компромиссу и др.⁸

В настоящее время делаются попытки организации диалога между почвенниками и западниками с целью выработки синтетической модели российской национальной идентичности и соответствующего ей политического дискурса.⁹

На наш взгляд, данный диалог просто необходим. Он предполагает глубокий анализ ментальных детерминант своеобразной конфигурации и динамики российского историко-политического процесса. Разгадку циклически повторяющихся срывов страны в авторитаризм и трудностей ее модернизации можно обнаружить в определенной *корреляции, существующей между процессами эволюции российской государственности и изменениями в российской политической ментальности*.

Корреляционный подход позволяет увидеть историко-государственные корни распространения в массовом сознании россиян идеи необходимости для страны сильной централизованной власти, которая составляла ядро официального дискурса политической идентичности. Данное представление об идеальной модели российской власти культивировалось на протяжении многих веков самими государственными институтами страны, идеологами охранительного типа, представителями консервативных кругов. В итоге в массовом сознании идеал государственной власти накрепко соединился с образом сильного единовластного правителя – царя, императора, генерального секретаря, президента.

В эпоху либеральных реформ данный идеал частично подвергся размыванию под воздействием системы ценностей, лежащих в основе либеральной политической ментальности, находящей выражение в ином дискурсивно-идеологическом комплексе.

Носителями данного типа ментальности являлись в основном аристократические круги

русского общества и часть интеллигенции, чей голос слабо транслировался в подконтрольной властям системе производства политических дискурсов.

Либеральная система ценностей в условиях продолжительного доминирования охранительной идеологии в политической культуре России не могла глубоко войти в ментальные структуры, определяющие общественные представления о собственной национальной идентичности. Вся драматическая история российских либеральных реформ свидетельствует о незначительном влиянии либерализма на массовые умонастроения и массовые дискурсивные практики.

В настоящее время российская политическая элита делает попытки соединения либерального и государственно-охранительного дискурсивно-идеологических комплексов. Однако, как и прежде, основная, системообразующая роль в деле формирования национальной идеи, символизирующей российскую идентичность, придается не либеральному, а державному, государствоцентристскому дискурсу.

1 См.: Гуревич А.Я. Уроки Люсьена Февра // *Февр Л. Бои за историю*. М., 1999. С. 509.

2 *Ле Гофф Ж.* С небес на землю (Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII–XIII вв.) // *Одиссей*. М., 1991. С. 30.

3 *Буро А.* Предложения к ограниченной истории ментальностей // *История ментальностей и историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах*. М., 1996. С. 66–72.

4 См.: Российская ментальность (материалы «круглого стола») // *Вопросы философии*. 1994, № 1; *Мостовая И.В., Скорик А.П.* Архетипы и ориентиры российской ментальности // *Полис*. 1994, № 4; *Ануфриев Е.А., Лесная Л.В.* Российский менталитет как социально-политический и духовный феномен // *Социально-политический журнал*, 1997. № 3; *Ментальность россиян*. (Специфика сознания больших групп населения России). М., 1997; *Козловский В.В.* Понятие ментальности в социологической перспективе // *Социология и социальная антропология*. СПб., 1997; *Иванов В.Н., Назаров М.М.* Политическая ментальность: опыт и перспективы исследования // *Социально-политический журнал*. 1998, № 2; *Шестопал Е.Б.* Психологический профиль российской политики 1990-х. Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. М. 2000; *Трофимов В.К.* Генезис и сущность русского национального менталитета. Ижевск. 2000 и др.

5 См.: *Шестопал Е.Б.* Психологический профиль российской политики 1990-х. С. 158–159.

6 Там же. С. 56.

7 См.: *Дугин А.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М., 1999; *Начапкин М.Н.* Эволюция российской государственности (XIX – начало XX в.) и ее отражение в консерватизме. Автореферат на соискание ученой степени доктора политических наук. Екатеринбург. 2004; Коробков Ю.Д.

Ментальные основы российской государственности// Россия в поисках национальной стратегии развития. Материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург. 2003. С. 81-84.

8 См.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического

опыта (социокультурная динамика России). Том 1. От прошлого к будущему. Изд. 2. Новосибирск. 1997.

9 См.: Западники и националисты: возможен ли диалог? Материалы дискуссии. М., 2003.

ИДЕНТИЧНОСТЬ ВЫНУЖДЕННЫХ МИГРАНТОВ И РОССИЯН КАК ФАКТОР УСПЕШНОЙ АДАПТАЦИИ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В НАШЕЙ СТРАНЕ

И.Б. Бритвина
(г. Шадринск)

Бритвина Ирина Борисовна

кандидат философских наук, доцент,
зав. кафедрой отечественной и всемирной
истории Шадринского государственного
педагогического института.

Миграция населения является одной из важнейших проблем народонаселения и рассматривается в различных науках не как простое механическое перемещение людей по территории, а как сложный социальный процесс, затрагивающий многие стороны жизни отдельных стран, континентов и планеты в целом. Одним из видов миграционных перемещений является «вынужденная миграция», которая провоцируется комплексом неблагоприятных обстоятельств страны исхода, и комплексом притягивающих обстоятельств страны въезда.

XX век уже назван «эрой миграции». Миграция действительно стала одним из главных факторов социального преобразования и развития во всем мире. Количество мигрантов увеличивалось быстрее, чем население земного шара.¹ Современный вектор миграционного потока направлен от менее развитых стран к более развитым. В результате фактор миграции сильнее воздействует именно на развитые страны. Считается, что такая высокая концентрация доли некоренного населения негативно сказывается на социальных отношениях, культуре, национальной идентичности и политике этих стран. Однако когда в страну возвращаются представители коренного этноса, национальная

идентичность, как правило, укрепляется (например, воссоединение евреев в Израиле, немцев в Германии т.д.)

Сама миграционная ситуация на постсоветском пространстве в конце XX в. диктует необходимость пристального внимания к ней и тщательного научного анализа. Миграционные потоки были столь масштабны, что до сих пор продолжают определять некоторые стороны социального развития этих стран, отвлекая на себя серьезные материальные ресурсы, вынуждая правительства стран особо заниматься миграционной политикой.

Мигранты — особенно уязвимая категория людей, чье право на труд, как и права человека, постоянно нарушаются. По мнению Международной организации по миграции (МОМ), на мигрантов «все чаще и чаще возлагают вину за все внутренние проблемы современного общества, в частности за безработицу, преступность, наркоманию и даже за терроризм». ² Подобное отношение можно наблюдать и к вынужденным мигрантам, которые в результате распада СССР по ряду причин стали переселяться в Россию. Социологи из Приволжья свидетельствуют, что в явном и неявном виде протаскивается идея о негативных последствиях притока иммигрантов — лишняя нагрузка на бюджет, конкуренция местной рабочей силе, рост межнациональной напряженности и преступности. Даже сам факт передачи проблем миграции в ведение МВД, по их мнению, символизирует обвинительный уклон при рассмотрении внешних миграций. ³

Проблемы адаптации мигрантов характерны практически для всех государств, а принимающее сообщество, несмотря на степень цивилизованности страны, как правило, настороженно относится к репатриантам, а с ростом их количества, учёные фиксируют усиление мигранто- и этнофобий. Ю.А. Левада считает, что недоверие к переселенцам из других стран производно от страхов утраты «ресурсов» и «утраты собственной идентичности». ⁴ В.И. Мукомель пишет, что страхи «вторжения другого» служат вербальным объяснением эмоционального восприятия мигрантов как чужеродных, незваных гостей. В данном случае, видимо, более значимы социокультурные страхи «утраты идентичности». ⁵ Таким образом, проблема поиска идентичности